

ГЕРМАНЪ УЛЬРИЦИ.

(Къ 25-лѣтію со дня смерти)

(11-го Января 1884—11 Января 1909 г.)

(Окончаніе) ¹⁾.

III.

Дѣятельность Ульрици, какъ редактора-издателя и сотрудника журнала: „Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik“.

Всѣ біографическія и разнаго рода другія замѣтки объ Ульрици, касающіяся его жизнеописанія и дѣятельности, не только ничего неговорятъ объ участіи Ульрици въ извѣстномъ намъ философскомъ журналѣ, но иногда даже вовсе и не упоминаютъ объ этомъ. Между тѣмъ, это крупный пробѣлъ въ біографіи Ульрици: вѣдь изданіе этого журнала заняло болѣе половины всей научно-литературной дѣятельности философа, именно 36 лѣтъ (съ 1847—1882 г.),—срокъ, почти небывалый для издателя и редактора журнала; онъ измѣнилъ программу журнала, создалъ нѣкоторые новые отдѣлки въ его направленіи, что далеко пережило его самого и долго еще продолжало жить и послѣ его смерти. И статьи философа, напечатанныя въ этомъ журналѣ, проливаютъ немало свѣта на его міросозерцаніе и личность, вообще, на характеръ и направленіе его научно-литературной дѣятельности, связаной съ характеромъ и настроеніемъ эпохи, на отношеніе Ульрици къ своему времени,—словомъ, способствуютъ въ той или другой мѣрѣ выясненію личности Ульрици, его собственнаго настроенія и взглядовъ. Поэтому, при составленіи біографіи Ульрици, нельзя обойти молчаніемъ и

¹⁾ См. *Январь 1909 г.* 85—108 стр.

его журнала; въ противномъ случаѣ, біографія не можетъ претендовать даже и на относительную полноту.

Прежде, чѣмъ характеризовать журнальную дѣятельность Ульрици, нужно сказать еще нѣсколько словъ о самомъ журналѣ изъ исторіи его возникновенія и развитія.

Философскій журналъ: „*Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*“, издаваемый въ Галлѣ, основанъ былъ въ 1837 г. кружкомъ лицъ, объединившихся между собою во главѣ съ Фихте Младшимъ (онъ былъ и первымъ редакторомъ-издателемъ этого журнала) для достиженія однихъ общихъ цѣлей совокупными усиліями. Цѣль же у кружка была двоякая: онъ долженъ былъ,—во-первыхъ, защищать интересы чистаго христіанскаго умозрѣнія, дать научную обработку послѣднему и углубить, осмыслить содержаніе его основныхъ догматовъ, апеллируя къ даннымъ философіи природы и антропологіи; а во-вторыхъ, — поставить на философскую почву, полные глубокаго, жизненнаго и захватывающаго интереса, вопросы догматики и практическаго богословія. Сообразно съ этими цѣлями и издаваемый членами кружка журналъ, какъ органъ его дѣятельности, долженъ былъ, по самому существу дѣла, принять богословско-философскій характеръ, что, въ дѣйствительности, и случилось и о чемъ свидѣтельствуетъ даже первоначальное названіе журнала: *Zeitschr. für Philosophie und speculative Theologie*“.

Подъ такимъ именемъ и съ такими цѣлями, подъ редакторствомъ Фихте Младшаго, журналъ работалъ на протяженіи первыхъ десяти лѣтъ своего существованія, когда и имя Ульрици еще не появлялось на его страницахъ. За это-же время онъ постепенно дѣлался средоточнымъ пунктомъ тѣхъ философскихъ направленій, которыя стремились привести къ положительному теизму начатое Шеллингомъ и Гегелемъ развитіе философіи. Поэтому, хотя многими членами кружка раздѣлялись воззрѣнія „праваго“ крыла Гегелевской школы, но всѣ здѣсь стояли въ рѣшительной оппозиціи противъ Гегеля въ томъ пунктѣ его философіи, которымъ затруднялось развитіе чисто-теистическаго христіанскаго міросозерцанія, съ лежащимъ въ основѣ его понятіемъ личнаго Бога. Поэтому, журналъ становился также и центромъ, около котораго сосредоточивалась борьба съ Гегелемъ его противниковъ и велась противъ него оживленная полемика. Наконецъ,

журналь долженъ былъ образоватъ изъ себя противовѣсъ господствующимъ тенденціямъ той эпохи, потомучто, какъ это мы увидимъ ниже, члены философскаго кружка составляли изъ себя оппозицію господствующему духу времени. Но пока это оппозиціонное направленіе журнала только намѣчалось общими штрихами и не получило еще никакихъ положительныхъ формъ своего конкретнаго выраженія.

Въ такомъ, именно, видѣ и съ такими тенденціями журнала, какъ мы сказали, существовалъ 10 лѣтъ,—до 1847 г., когда на сцену появляется Ульрици. Въ этомъ году Ульрици былъ приглашенъ редакторомъ-издателемъ журнала, пока, въ помощники Фихте Младшему,—и тогда же физиономія журнала, вмѣстѣ съ его именемъ, сразу мѣняется 1).

Ульрици измѣняетъ программу журнала 2), но конечно, не такъ, чтобы направленіе его перевертывалось сразу въ диаметрально противоположную сторону, и старыя тенденціи вырывались изъ него съ корнемъ. Онъ только со всею рѣшительностью захотѣлъ сдѣлать свой журналъ органомъ той оппозиціи, къ которой примыкалъ онъ самъ и которая давно уже выросла, какъ естественная реакція противъ господствующаго духа времени и его основныхъ тенденцій. Что это

1) Ульрици далъ другое названіе журналу, въ соотвѣтствіи съ его новымъ, болѣе философскимъ направленіемъ, измѣнивъ послѣднія слова его прежняго имени: прежде—*Ztschr. f. Philosophie u. Speculative Theologie*, а теперь—*Ztschr. f. Phil u. philos. Kritik*.

2) Вотъ какова была судьба этого журнала времени Ульрици и послѣ него: Ульрици редактировалъ журналъ вмѣстѣ съ Фихте Младш. и потомъ присоединившимся къ нимъ Виртомъ до 1879 г. Послѣ смерти Фихте и Вирта, Ульрици одинъ оставался редакторомъ журн. въ продолженіе 3 хъ лѣтъ (съ 1879—82). Въ 1882 г. къ нему присоединились, въ качествѣ его помощниковъ, А. Кропъ и Гюнтеръ Тиль. Когда умеръ Ульрици, въ 1884 г., редакторомъ журнала остался одинъ Кропъ, къ которому въ 1885 г. присоединился Фалькенбергъ. Съ 1895 г. редакторами журнала становятся Зибенъ и Фолькельтъ. За послѣднее десятилѣтіе физиономія журнала немного измѣнилась и вотъ въ какую сторону: онъ сталъ обращать особенное вниманіе на историческія проблемы, чтобы черезъ изученіе всѣхъ современныхъ теченій мысли, скорѣе ориентироваться въ нихъ, а также и въ направленіяхъ современной философіи, какъ нѣмецкой, такъ и иностранной (см. объ этомъ журн.: *Ueberweg: „Grundriss d. Gesch. d. Philosophie. d. 19. Jahrh.“. Berl. 1902. ss. 171—172. Erdmann. „Grundr. d. deutsch. Philos.“. B. 2. Berl 1896, ss. 653—654).*

была за оппозиція и какую роль въ ней играли Ульрици со своимъ журналомъ, это мы сейчасъ увидимъ.

Ульрици былъ современникомъ Гегеля, этого удивительнаго философа, такъ всколыхнувшего своей системой весь мыслящій міръ, что онъ и сейчасъ еще, кажется, несовсѣмъ успокоился отъ пережитой тогда бури. Ульрици и выступилъ на арену своей научно-литературной дѣятельности въ тотъ самый годъ, въ который умеръ Гегель (1831).

Философія Гегеля заключала въ себѣ столько разнообразныхъ и, по мѣстамъ, противорѣчивыхъ сторонъ, что дѣло не могло обойтись безъ споровъ. Основной принципъ его философіи или діалектической методъ могъ быть обращенъ противъ него же самого,—давая оружіе для безконечной дальнѣйшей критики: ни одно движеніе не можетъ имѣть притязанія на вѣчность, понятія непрерывно развиваются; всякое положеніе (тезисъ), развитое до послѣднихъ выводовъ изъ него, вызываетъ свою противоположность, отрицаніе (антитезисъ); изъ столкновенія противоположностей, на почвѣ тренія между ними, вырабатывается новое положеніе (синтезъ), въ свою очередь, служащее началомъ новаго движенія,—и т. д., въ безконечность. Но въ такомъ случаѣ, и система Гегеля не могла быть вѣчной, и тѣмъ справедливѣе должно быть утвержденіе Куно-Фишера, что „всякая великая система вызываетъ противъ себя борьбу всѣхъ противоположностей, требуемыхъ ея основной идеей“¹⁾. Такая именно участь и постигла философію Гегеля, противъ которой возстали всѣ антитезы, поднятыя ея умозрительнымъ, метафизическимъ, монистическимъ характеромъ. Эти антитезы, найдя себѣ ревностныхъ защитниковъ въ лицѣ всѣхъ, не согласныхъ съ тѣми или другими частными сторонами философіи Гегеля, должны были приготовить почву для принципиальной борьбы съ нимъ его противниковъ. Борьба была неизбежна и, когда послѣ смерти Гегеля настала удобная моментъ для ея обнаруженія, она разгорѣлась во всей силѣ, развертываясь на нѣсколько фронтовъ. Эта борьба, начатая еще при жизни великаго философа, достигла апогея своего развитія во второй половинѣ 19-го столѣтія, ближе къ его концу, такъ

¹⁾ К.-Фишеръ. „Исторія новой философіи“ Перев. съ нѣм. юбил. изд. СПб. 1903, т. 8, полуг. II, стр. 447.

что ко времени научно-литературной дѣятельности Ульрици была въ самомъ разгарѣ.

При Ульрици эта борьба съ принципиально-научной почвы перешла на узко-практическую почву и приняла рѣзкую партійную окраску, чѣмъ, конечно, дѣло значительно осложнилось. Объясняется же все это очень просто: вѣкъ Ульрици былъ вѣкомъ грубо-матеріалистическаго, будничнаго, житейскаго практицизма, въ глубинѣ котораго потонули всѣ возвышенные идеалы парящаго къ небу духа и всѣ безкорыстныя стремленія когда-то свободно развивавшейся науки для науки ¹⁾. Но если уже простое принципиальное разногласіе по научнымъ вопросамъ и борьба философскихъ теченій можетъ породить партію и переходить въ партійную распрю, то все это дѣлается почти прямо неизбѣжнымъ, когда сюда присоединяются еще узко-эгоистическіе и утилитарно-практическіе интересы личностей. Вотъ почему мы и видимъ, какъ быстро стала развиваться при Ульрици партійная междоусобица, какъ скоро обострились отношенія между представителями различныхъ философскихъ и научныхъ направленій, начавшихъ борьбу изъ-за принциповъ. Эти практическіе интересы, страшно разрознили между собой даже представителей однихъ и тѣхъ же слоевъ общества; они внесли и въ ихъ среду раздѣленіе, бросивъ туда сѣмя вражды и раздора. Они именно повели къ безконечному образованію безчисленныхъ партій, относящихся другъ къ другу, какъ непріятельскіе лагеря. Отсюда получалось и обратное явленіе: разобщенные одни отъ другихъ эгоистическими интересами своей партіи, отгороженные отъ всѣхъ другихъ людей ея, такъ сказать, конфессіональными интересами, люди не могли уже сойтись и на принципиально-научной почвѣ, съ которой они начали борьбу, боясь выйти за перегородку и подойти ближе къ противнику.

Въ довершеніе всего, наконецъ, даже философія и наука были втянуты въ самый водоворотъ партійной междоусобицы, и служили все тѣмъ же меркантильнымъ цѣлямъ своего

¹⁾ См. яркую характеристику эпохи, современной Ульрици, у него же самого въ его статьѣ: „Aphorismen zur philosoph. Verständigung über die Tendenz unserer Zeit. 1.—Die wissenschaftliche Tendenz im Verständniss zu den praktischen Interess.“ (Ztschr. t. Phil. u. phil. Krit. 1847, B. 17. ss. 25—37).

практическаго вѣка. Этимъ, конечно, онѣ только подливали масла въ огонь, внося еще большее разложене во внутреннюю жизнь враждующихъ партій, поддерживая рѣзкость и остроту партійнаго разобщенія...

Такова—картина жизни современнаго Ульрици нѣмецкаго общества, таковъ общій господствующій духъ времени и его основныя тенденціи. Изъ переплетенія всѣхъ указанныхъ элементовъ въ настроеніи эпохи получалось такое положеніе, въ которомъ было трудно разобраться. Во всякомъ случаѣ, положеніе вещей, запутываясь все больше и больше, становилось прямо ненормальнымъ и, дойдя до извѣстнаго предѣла, не могло оставаться дальше безъ измѣненія: оно вызвало естественную реакцію въ смыслѣ стремленія—примирить между собою борющіяся партіи и направленія, сгладить рѣзкость партійнаго разобщенія людей и смягчить остроту междоусобной распри и раздора различныхъ слоевъ общества. Эта реакція, коль скоро потребность въ ней назрѣла и она была поддержана тѣми, въ комъ встрѣчала себѣ противодѣйствіе господствующая тенденція времени, влекущая къ раздѣленію, повторяемъ, эта реакція должна была образовать изъ себя рѣшительную оппозицію противъ послѣдняго, что, дѣйствительно, и случилось.

Реакція выросла неожиданно и явилась оттуда, откуда её всего легче и можно было ожидать, т. е., все отъ того же Гегеля, заключавшаго въ себѣ безчисленное количество самыхъ разнообразныхъ потенцій. Она возникла и развилась въ одномъ изъ тѣхъ многочисленныхъ уголковъ нѣмецкой мысли, въ которыхъ зрѣло недовольство Гегелемъ и его абстрактнымъ идеализмомъ, и которымъ обязанъ своимъ происхожденіемъ расколъ даже въ самой гегелевской школѣ.

Однимъ изъ важныхъ пунктовъ, главнымъ образомъ расколовшихъ Гегельянцевъ на враждебныя партіи, былъ тотъ споръ, который шелъ тогда по вопросу о душевной субстанціи. Именно на этой почвѣ происходившіе дебаты, къ которымъ необходимо присоединился, занимавшій даже въ нихъ первое мѣсто, религіозный или теологическій интересъ, привели въ Германіи къ распаденію Гегелевской школы. Средоточеніемъ этихъ споровъ служили вопросы о личности Бога и безсмертіи души. Вѣдь если гегельянство хотѣло существовать въ качествѣ „Прусской государственной фило-

софіи“, оно должно было объявить „тождественность философіи и религіи“. Такъ какъ у самого Гегеля на этотъ счетъ дѣло обстояло довольно темно и діалектической формализмъ его ученія давалъ возможность сомнѣнія въ ортодоксальности послѣдняго, то лучшее дѣло за него сдѣлала „правая“ фракція его школы: она въ лицѣ такихъ выдающихся своихъ представителей, каковы, напр., Габлеръ, Гешель, Гинрихсъ и др., старалась доказать, что гегелевская философія находится въ полномъ согласіи съ религіей. Вотъ здѣсь-то на сцену и выступила одна изъ антитезъ Гегеля, вызвавшая оппозицію, прежде всего, противъ него самого.

Дѣло въ томъ, что гегелевское возвращеніе идеи къ самой себѣ съ очень большимъ трудомъ могло быть истолковано въ смыслѣ признанія Личнаго Бога; а конечная личность человѣка уже и ни въ какомъ случаѣ не могла заявлять претензій на „субстанціональность“ и безсмертіе въ религіозномъ смыслѣ слова въ такой системѣ, которая утверждала вѣчное возникновеніе и діалектическое превращеніе формъ другъ въ друга. Тогда возсталъ противъ Гегеля философія умозрительнаго теизма, представители которой были горячими защитниками личности Бога и человѣка. Тотъ мотивъ, который побудилъ ихъ сдѣлать активное выступленіе на защиту подавляемой Гегелемъ личности, заставилъ ихъ прямо отдѣлиться даже отъ „праваго“ крыла его школы и привелъ къ развитію теистическаго, прямо христіанскаго міросозерцанія.

Во главѣ этого, тѣсно сплоченнаго кружка лицъ, стояли: Фихте Младшій, Вайссе, Ульрици и нѣкоторые другіе ученые и философы, работавшіе въ интересахъ христіанскаго теизма. Здѣсь то зародилась и развилась та оппозиція, которая явилась, какъ естественная реакція противъ господствующаго духа времени и противъ всего партійнаго, задорнаго движенія, начатаго еще при Гегелѣ, но съ еще большей силой продолженнаго послѣ него.

Не трудно теперь догадаться, какія главныя цѣли преслѣдовала это оппозиція. Такихъ цѣлей было у ней двѣ: одна — полемическая и другая — такъ сказать, принципиально-научная. Оппозиція, прежде всего, должна была выступить активно на борьбу съ господствующимъ духомъ времени и его основными тенденціями. Ей надо было прими-

ривъ враждующія между собой партіи, найдя средство для объединенія всѣхъ противоположныхъ направленій. Задача была тѣмъ болѣе трудная, что уже слишкомъ разгорѣлась къ этому времени партійная борьба, слишкомъ глубоко пустила свои корни партійная ненависть, съ одной стороны; а съ другой слишкомъ много было для этой борьбы поддержекъ, въ роли которыхъ выступили: и практическіе интересы, и несдержанность страсти, и принципиальное разногласіе на научной почвѣ, поддерживаемое вездѣ убѣжденіемъ, что именно данное направленіе обладаетъ всей полнотой истины. Трудность задачи усложнялась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что надо было отыскать потерянное философіей и наукой ихъ тронное мѣсто въ отношеніи ко всѣмъ движеніямъ времени, а также отвлечь вниманіе борющихся теченій отъ утилитарно-практическихъ интересовъ въ сторону безкорыстныхъ, чисто научныхъ изысканій и возвышенно-идеальныхъ стремленій духа.

Затѣмъ оппозиція, одновременно съ этимъ должна была еще вести принципиальную борьбу противъ Гегеля, какъ возникшая въ кружкѣ антигегельянцевъ; она должна была опровергать ультра-идеалистическое направленіе абстрактной гегелевской философіи и, въ противовѣсъ послѣдней, развивать систему идеало-реалистическаго міросозерцанія.

Таковы были главныя задачи, которыя ставила себѣ оппозиція. Ульрици опредѣлили свои отношенія къ эпохѣ тѣмъ, что сталъ на сторону оппозиціи. Онъ не создалъ и не началъ оппозиціи: она была уже до него и имѣла даже свой органъ, хотя и мало пользовалась имъ въ своихъ полемическихъ цѣляхъ. Ульрици только примкнулъ къ оппозиціи и видоизмѣнилъ программу журнала, въ смыслѣ прямого примѣненія ея къ тѣмъ задачамъ и цѣлямъ, которыя ставила себѣ оппозиція; и если прежде журналъ стоялъ далеко отъ тѣхъ задачъ и цѣлей, то теперь Ульрици приблизилъ его къ нимъ настолько, что журналъ прямо сдѣлался органомъ борьбы оппозиціи съ настроеніемъ эпохи и духомъ времени.

Въ отношеніи къ рѣшенію первой задачи оппозиціи, Ульрици, въ своемъ журналѣ, прежде всего, старается поколебать убѣжденіе въ возможности обладанія со стороны кого бы то нибыло всей полнотой истины. Для этого онъ доказываетъ, что истина абсолютная никогда не можетъ стать достояніемъ

емъ какого-нибудь одного лица или даже цѣлаго ряда лицъ и народовъ; она не можетъ фиксироваться ни въ какой опредѣленной системѣ, а находится въ процессѣ непрерывнаго, вѣчнаго развитія. Отсюда, истина проходитъ какъ бы черезъ всѣ времена и принадлежитъ всѣмъ вѣкамъ, ни въ одномъ изъ нихъ не имѣя своей абсолютной полноты и такого же выраженія. Эта истина служитъ неизсякаемымъ источникомъ пищи для духа, какъ бы голодающаго безъ нея; потребность въ ней для духа, никогда не умираетъ, хотя каждый моментъ въ развитіи послѣдняго обладаетъ извѣстной долей ея,—также, какъ не умираетъ въ людяхъ и чисто фізіологическая потребность ѣсть и пить при ежедневно повторяющихся обѣдахъ и ужинахъ. Здѣсь уже довольно опредѣленными штрихами намѣчается путь примиренія всѣхъ различныхъ направленій и создается такая почва, на которой партійная распря и раздѣленія людей становятся излишними.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ту вѣчную истину отыскиваетъ наука; а у науки есть одна общая цѣль, включающая въ себя и всѣ частныя цѣли различныхъ ея отраслей, это—познаніе всего сущаго въ цѣломъ, т. е., вселенной, какъ космическаго цѣлаго, универса. Вотъ, теперь всѣ стремленія людей науки и должны быть направлены къ тому, чтобы объединить разнородныя научныя теченія черезъ привлеченіе ихъ къ достиженію этой одной цѣли. И въ этомъ случаѣ различныя направленія подчиняются, конечно, господству одной системы, но такой, которая не только не исключаетъ существованіе другихъ системъ, а даже и принимаетъ всѣ ихъ цѣликомъ, включая въ себя, какъ свои необходимыя звенья. Получается какъ бы нѣкоторая „система системъ“, въ процессѣ постепеннаго образованія и развитія которой воплощается идея истины.

Постройка грандіознаго зданія такой „системы системъ“ въ наукѣ должна завершиться развитіемъ системы христіанскаго теистическаго міросозерцанія состоящей въ центрѣ его и соединяющей конецъ съ началомъ идеей личнаго Бога. Именно христіанство устанавливается, какъ фундаментъ, какъ непоколебимый прочный базисъ для постройки на немъ истинной науки изъ всѣхъ разнородныхъ теченій и направленій. А это потому, что только въ одномъ этомъ

міросозерцаніи, какъ въ фокусѣ, собраны сразу всѣ специфическія черты истины.

Чтобы скорѣе достигнуть желаемой цѣли, журналъ Ульрици былъ чуждъ всякой односторонности и нетерпимости мнѣній. На его страницахъ свободно могли выражать свои мнѣнія представители самыхъ разнородныхъ философскихъ теченій, чтобы въ свободной борьбѣ всѣхъ противоположностей скорѣе могла быть найдена истина. По взгляду Ульрици, руководящій философскій журналъ самъ не можетъ и не долженъ вмѣшиваться въ полемику, въ смыслѣ защиты или опроверженія тѣхъ или другихъ партійныхъ взглядовъ. Его дѣло заключается только въ томъ, чтобы прислушиваться внимательно къ гулу этой борьбы и, оставаясь всегда выше партійныхъ интересовъ, стараться помирить между собою враждующія партіи. Одновременно со всѣмъ этимъ журналъ долженъ былъ, такъ сказать, облагородить господствующій духъ вѣка, сгладивъ рѣзкія выпуклости принятаго имъ грубо-материалистическаго направленія и подчинить утилитарно-практическіе интересы болѣе идеальнымъ, безкорыстнымъ стремленіямъ.

Такова была одна часть новой программы журнала Ульрици и въ такомъ видѣ намѣчалось здѣсь ея выполненіе, по отношенію къ первой задачѣ оппозиціи. Что же касается другой задачи, то по отношенію къ ней журналъ прямо назначался быть проводникомъ взглядовъ антигегельянскаго кружка Ульрици и міросозерцанія послѣдняго въ сознаніе современнаго германскаго общества. Тутъ журналъ долженъ былъ пускать стрѣлы своего критицизма въ лагерь гегельянцевъ тѣмъ скорѣе, что послѣдніе тогда уже активно выступили во всеоружіи искусной логики и изящной, хотя мѣстами безсодержательной, діалектики. Здѣсь нужно было дать основательную отрицательную критику Гегелевскаго принципа и метода; нужно было построить на мѣстѣ низринутой съ ея пьедестала, оторванной отъ жизни и міра отвлеченной системы гегелевскаго идеализма, окрашеннаго колоритомъ пантеизма, новую, болѣе конкретную систему съ отѣнкомъ живой дѣйствительности и на чисто-реалистическомъ базисѣ, развитую изъ болѣе глубокаго и жизненнаго принципа. Нужно было показать родство идеализма и реализма; нужно было доказать, что понятіе „я“, если бы оно

и было даже сущностью міра, не тождественно съ понятіемъ Абсолютнаго, а только носить въ себѣ это понятіе, какъ свое имманентное предположеніе. Нужно было, наконецъ, вообще, развивать систему умозрительнаго, христіанскаго теизма и дать философское построеніе системы послѣдняго съ лежащимъ въ основѣ его понятіемъ самосознательнаго Личнаго Бога, какъ Абсолютнаго Духа, въ противовѣсъ гегелевской философіи, которая унижала личность ¹⁾...

Вотъ, тѣ цѣли и задачи, которыя намѣтилъ Ульрици для своего журнала, значительно измѣнивши и самую его физиономію. Съ изданіемъ первой же книжки журнала по новой программѣ начало осуществляться то, чего прежде всего добивался Ульрици: начался горячій обмѣвъ мнѣній мыслителей разныхъ направленій ²⁾, началась свободная борьба свободно высказываемыхъ взглядовъ и міровоззрѣній съ цѣлымъ рядомъ возраженій однихъ противъ извѣстныхъ положеній и отвѣтами на нихъ — другихъ. Дальше, мы видимъ цѣлый рядъ статей самого Ульрици и его сотрудниковъ, въ которыхъ разъясняется принципиальное разногласіе исходныхъ точекъ зрѣнія различныхъ направленій, развивается система новаго, научно-философскаго міросозерцанія въ духѣ раскрытія и обоснованія спекулятивнаго или умозрительнаго теизма, раскрываются тѣ или другія частныя стороны этого міросозерцанія, приводятся естественнонаучныя, логическія, обще-философскія, метафизическія, психологическія и иныя положительныя основанія въ доказательство истинности и разумности религіозной вѣры, вообще, выясняются главные и существенные недостатки гегелевской философіи, и т. д. ¹⁾.

¹⁾ Въ этомъ пунктѣ какъ разъ совпадали обѣ цѣли, преслѣдуемая оппозиціей, къ задачамъ которой и приспособлялъ свой журналъ Ульрици: построеніе системы христіанскаго теистическаго міросозерцанія стояло и на концѣ той „системы системъ“ знанія, которую нужно было построить для примиренія въ ней всѣхъ различныхъ научныхъ и философскихъ направленій.

²⁾ См., напр. „Возраженіе противъ журнала“, Chalybäus'a, которое съ радостью привѣтствуетъ Ульрици, какъ идущее навстрѣчу его завѣтнымъ желаніямъ, привѣтствуетъ тутъ же въ своемъ „отвѣтѣ“ на „возраженіе“ (Zeitschr. f. Phil. u. phil. Krit. ss. 169—189. Или тутъ же: „Обмѣвъ мнѣній охватъ между Ульрици и Халибеусомъ“) относительно принципа и формы философіи“ (H. M. Chalybäus an H. Ulrici (ss. 165—181) и—Antwort v. H. Ulrici (ss. 182—201). Ztschr. cit. 1847, B. 18.

Затѣмъ, въ журналѣ былъ и спеціальныи критическiй отдѣлъ, въ которомъ печатались рецензи на всѣ выходящiя статьи и книги въ текущей философской литературѣ. Благодаря этому, ни одному сочиненiю, особенно съ рѣзко-выраженной окраской того или другого направленiя, не удавалось пройти незамѣченнымъ, и оно всегда подвергалось совершенно объективному, научно-безпристрастному обсужденiю. И мы, дѣйствительно, видимъ, что не выходило ни одной книжки журнала безъ того, чтобы въ немъ не было помѣщено одной или нѣсколькихъ критико-библиографическихъ статей—замѣтокъ, большею частью самого же Ульрици. Особенно много мѣста послѣднимъ отводилось тогда, когда дѣло касалось болѣе или менѣе рѣзко очерченныхъ взглядовъ противниковъ, развитыхъ въ диаметрально проти-

1) Сюда принадлежать, прежде всего, слѣдующiя, болѣе или менѣе, объективныя по своему характеру статьи самого Ульрици: 6 статей подъ общимъ заглавiемъ „Zur Religionsphilosophie“ съ такими подзаголовками 1) Stellung der Aufgabe u. Auffassung des Verhältnisses von Religion u. Philosophie in d. älteren Systeme von Wollfs bis Hegel (1853, 23, ss. 102—133). 2) Auffassung des Verhältnisses... bei Hegel, Schleirm und ihren Nachfolg. (ib. 240—286). Schliesst. die Philosophie den Glauben aus oder ein? (1824, 24, ss. 104—143) 4) Der Begriff des Wissens (1854. 25, ss. 357—296). 5) Die verschiedenen Arten des Wissens u. Glaubens in besonderer Beziehung auf die s. g. exacten Wissenschaften (ib. Häfte 2, ss. 51—91). 6) Das philos. Wissen u. der religiose Glaube (1855, 26, ss. 258—296).—Всѣ эти статьи Ульрици имѣютъ ближайшее отношенiе къ его большому спеціальному сочиненiю: „Glauben u. Wissen“ и значительно дополняютъ его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.—Затѣмъ, сюда же относится статья Ульрици: Die Beweisen für das Dasein Gottes (1856, 28, ss. 91—132), написанная имъ какъ бы въ дополненiе и разъясненiе капитальнаго труда „Gott und die Natur“ Къ этой же категорiи принадлежать тѣ статьи Ульрици, въ которыхъ у него велась какъ бы научная переписка съ противниками: когда въ печати появлялась какая-нибудь книга или статья, прямо направленная противъ взглядовъ Ульрици, то послѣднiй считалъ своимъ долгомъ отвѣчать несогласному съ нимъ автору какъ бы въ особомъ посланiи. Таковъ напр., „Отвѣтъ“ (Antwort) Ульрици на посланiе Chalqbäus'a—an Ulrici (1847, 18)—обѣ статьи, какъ и вездѣ въ такомъ случаѣ, напечатаны рядомъ. Затѣмъ,—„Nachschrift“ v. Ulrici на „Zur Erkenntnislehre“ Schildencz'a (1859, 34); „Antwort“ v. Ulrici на „Sendschreiben an Herrn Ulrici betreffen siene Stellung zur logisehen Frage—George (1870, 57); „Nachschritt“ Ulrici an „Ueber Notwendigkeit am sein Gegenüber der Denknwendigkeit. Ein offendes Sendschreiben an Herrn Prof. Ulrici im Galle“ (1881, 79).

воположенную отъ Ульрици сторону. Въ заключеніе о журналѣ Ульрици надо сказать, что онъ, по отношенію къ своимъ положительнымъ задачамъ, служилъ органомъ для свободнаго обмѣна всякихъ мнѣній и помогаль дѣлу уясненія разныхъ философскихъ направленій, равно какъ и способствовалъ проникновенію въ общественное сознаніе тѣхъ научно-философскихъ тенденцій, на сторонѣ которыхъ стоялъ Ульрици со своими единомышленниками. Въ этомъ отношеніи журналъ Ульрици оказывалъ незамѣнимую услугу современному ему германскому обществу, будучи такимъ мѣстомъ, куда всѣ шли со своими недоумѣніями и могли свободно высказываться по волновавшимъ ихъ вопросамъ. Мы, дѣйствительно, и видимъ, напр., что ни одно, по крайней мѣрѣ, изъ капитальныхъ и особенно важныхъ сочиненій Ульрици, не осталось безъ возраженій со стороны его противниковъ, причемъ любопытно отмѣтить, что вся эта полемика велась на страницахъ его-же журнала.

Наша характеристика разсматриваемой стороны въ литературно-философской дѣятельности Ульрици была бы не полной, если бы мы не упомянули еще о томъ, что Ульрици писалъ весьма много и по чисто-практическимъ вопросамъ, касавшимся внѣшняго благоустройства жизни. При этомъ, конечно, Ульрици не сходилъ со своей принципиальной точки зрѣнія и послѣдовательно проводилъ ее въ своихъ доказательствахъ того, что матеріальные интересы должны подчиняться высшимъ, идеальнымъ и безкорыстнымъ стремленіямъ духа. И такое упоминаніе тѣмъ болѣе необходимо сдѣлать, что вѣдь журналъ Ульрици, какъ это мы знаемъ, считалъ, между прочимъ, одною изъ своихъ многочисленныхъ задачъ,—поставить на философскую почву и рѣшать тамъ, вмѣстѣ съ вопросами догматики, и вопросы практическаго богословія. Да и самъ Ульрици не былъ проповѣдникомъ дуализма между научно-теоретическими стремленіями и—жизненно-практическими интересами, требуя только, чтобы первыя не поглащались послѣдними. И вотъ, съ подробнымъ развитіемъ такой точки зрѣнія, Ульрици были написанъ цѣлый рядъ статей въ его журналѣ ¹⁾.

¹⁾ „Zur philos. Verständigung über Tendn. unserer Zeit. II. Die kirchlich religiöse Fragen. Freiheit der Religion u. die Religion der Freiheits. (1847)

Изъ всего вышесказаннаго нами видно, что хотя новая программа журнала Ульрици и сложилось въ антигегельянскомъ кружкѣ, какъ реакція господствующему духу времени, тѣмъ не менѣе журналъ никогда не страдалъ односторонностью направленія, а отличался истинно-научной широтой и объективностью. Не ограничивался онъ, также, и принципиальной борьбой съ Гегелевской философійей, развивая въ противовѣсъ ей, систему умозрительнаго христіанскаго теизма. Журналъ, вообще, служилъ для объективнаго и свободнаго обмена мнѣній между горячо спорившими тогда представителями науки изъ различныхъ областей знанія, выясняя личную точку зрѣнія самого Ульрица и способствуя проникновенію въ общественное сознаніе взглядовъ развиваемаго имъ направленія. Журналъ, наконецъ, въ высшей степени много сдѣлалъ для защиты интересовъ религіозной вѣры вообще, къ разумному пониманію и научному обоснованію которой, какъ мы видѣли, была направлена цѣлая серія специальныхъ, богословско-философскихъ трактатовъ Ульрици, и которая, какъ это увидимъ ниже, была однимъ изъ основныхъ мотивовъ его настроенія.

Описаніе журнальной дѣятельности Ульрици показало намъ, что послѣдняя стояла въ непосредственной связи, съ той исторической эпохой, въ которую жилъ Ульрици; на такого рода дѣятельность, онъ, собственно, и былъ выдвинутъ прямо историческими условіями своего времени, столкнувшись со всѣми его бурными теченіями тотъ часъ же, какъ только онъ началъ свою ученую карьеру. Значить, здѣсь уже несомнѣнно и очевидно дѣйствовалъ тотъ факторъ, который раньше мы отмѣтили именно, какъ а) историческія условія времени и б) какъ положеніе, занятое Ульрици въ отношеніе къ послѣдней, и дѣйствія котораго мы не замѣтили въ специальныхъ сочиненіяхъ Ульрици. Но такъ какъ вся, вообще, научно-литературная и философская дѣятельность Ульрици развивалась на почвѣ принциповъ, довольно опредѣленно и прочно у него установленныхъ, то можно

B. 17, ss. 208—227). В. Die Verfassungs—u. Symbolfrage (1847, 18, ss. 82—116). Сюда же относятся: I. G. Fichte „Zur Kritik der politischen Parteien“ u—Ulrici: „Erklärung“ (1858, 19, ss. 212—238). Наконецъ, еще можно указать изъ статей Ульрици „Berichtigung der adgeblicken „Berichtigung“ u—„Die Quelle des Rechtsbegriff“ (1871, 59, ss. 149—153; 163—192).

сказать, что вся же она и была современна и въ значительной мѣрѣ вызывалась условіями той исторической эпохи. Каково же было, собственно, настроеніе Ульрици, вытекающее изъ основнаго зерна его личности? Какова была самая эта личность по ея внутреннему существу и основаніямъ? Какіе субъективные интересы заполняли содержаніе этой личности и какія жизненныя задачи ставили они для Ульрици, объединяя вокругъ нихъ всю его разностороннюю дѣятельность?—Это мы сейчасъ разсмотримъ.

IV.

Личность Ульрици въ условіяхъ эпохи и времени. Основной мотивъ его настроенія. Жизненныя задачи Ульрици. Общій характеръ и направленіе его жизни и дѣятельности.

Ульрици, несомнѣнно былъ сильной личностью, съ ярко и опредѣленно выраженной фізіономіей и настроеніемъ. Здѣсь на лицо было все то, что, обыкновенно формируетъ въ человѣкѣ личность: разносторонность образованія, широта умственнаго кругозора, цѣльность міросозерцанія; крѣпость убѣжденій. Ульрици не былъ всецѣло лишь продуктомъ своей непосредственно, окружающей его культурно-соціальной среды и былъ далекъ отъ того, чтобы догматически усваивать себѣ ея традиціонное, ходячее міросозерцаніе. Правда, онъ находился подъ извѣстными вліяніями, можетъ быть, даже многими и очень сильными, но онъ вовсе не воспринималъ ихъ пассивно, какъ бы энергично они ни наступали на него; черезъ ассимиляцію ихъ всему своему существу онъ превращалъ ихъ какъ бы въ плоть и кровь своей духовной личности, сознательно впитывалъ ихъ въ себя и послѣ тщательной провѣрки и органической переработки выступалъ со своимъ міросозерцаніемъ. Оформленіе и развитіе личности Ульрици, какъ мы знаемъ, происходило во второмъ періодѣ его жизни, сплошь заполненномъ только что описанной нами его научно-литературной и философской дѣятельностью, направленной къ раскрытію и обоснованію его міросозерцанія и идеаловъ, съ которыми какъ бы срослась и въ которыхъ вылилась вся его душа.

Грюнегаенъ говоритъ про Ульрици, что онъ „былъ одною изъ тѣхъ счастливыхъ натуръ, весьма рѣдкихъ для нашихъ дней, которыя не принимаютъ участія въ нервной погонѣ вѣка за блескомъ внѣшнихъ успѣховъ и славой ученаго карьериста; не смотря на науку, какъ на источникъ обогащенія, но вѣруютъ въ свои, всегда живые для нихъ, идеалы и получаютъ полное удовлетвореніе въ своихъ безкорыстныхъ исканіяхъ истины и въ одухотворенномъ стремленіи къ истинно-прекрасному и великому“¹⁾.

Что же было это „истинно-прекрасное и великое“, къ чему, какъ къ истинѣ, непрерывно и безкорыстно стремился Ульрици? Другими словами: каковы были идеалы Ульрици? Кто онъ былъ по своему настроенію и убѣжденію? и—каковы были его жизненные задачи?

Не надо много словъ для того, чтобы отвѣтить на вопросъ кто былъ Ульрици по своему настроенію и убѣжденію?—Онъ былъ искренне и глубоко, но не слѣпо, а разумно вѣрующій человекъ и убѣжденный христіанинъ-теистъ. Именно вѣра, въ Бога вообще и, въ частности, въ христіанскаго Личнаго Бога была основнымъ мотивомъ его, никогда не ослабѣвающаго въ своей интенсивности, настроенія. Это настроеніе ярко-красной нитью проходитъ черезъ все, чрезвычайно сложное, міросозерцаніе Ульрици и служитъ краеугольнымъ камнемъ послѣдняго: основаніемъ и идеаломъ его были—разумная или осмысленная религіозная вѣра и личный Богъ умозрительнаго христіанскаго теизма.

Міросозерцаніе Ульрици съ его основаніемъ и его идеалами было, такъ сказать, выношено философомъ на собственныхъ плечахъ: оно перегорѣло въ горнилѣ его критики и вышло оттуда закаленнымъ и твердымъ, какъ сталь. Время сдѣлало Ульрици борцомъ за свое міросозерцаніе и идеалы и, поэтому, они особенно были дороги для него. Отсюда вытекали для Ульрици двѣ задачи, которыя онъ считалъ главными въ своей жизни и рѣшеніе которыхъ было для него достиженіемъ завѣтной цѣли, осуществленіемъ жизненнаго назначенія: первая задача—*оправданіе религіозной вѣры*, вообще, или доказательство ея разумности и права на суще-

1) Ztschr. f. Philos. u. philos. Kritik. 1894. В. 103, s. 257.

ствование, вторая—*раскрытие и обоснование системы христианскаго умозрительнаго теизма* ¹⁾.

Первая задача была бы выполнена у Ульрици, если бы ему удалось доказать, что Богъ и природа, вѣра и знаніе, философія съ чистой наукой и религія вовсе не стоятъ такъ далеко другъ отъ друга, какъ, это вообще, принято думать, если бы оказалась удачной его смѣлая и энергичная вылазка противъ, перешагнувшаго далеко за границы науки, предубѣжденія относительно разногласія естественно-научнаго міросозерцанія съ религіей и нравственностью.—Другая задача была бы также рѣшена, если бы Ульрици удалось философское построеніе чисто теистическаго и именно христіанскаго міросозерцанія, съ лежащимъ въ основѣ его понятіемъ личнаго Бога, какъ Абсолютнаго, Самосознательнаго Духа.—Какъ Ульрици, дѣйствительно, выполнилъ свои жизненные задачи и достигъ-ли онъ поставленныхъ цѣлей, это уже другой вопросъ. Но несомнѣннымъ остается только то, что такія задачи у Ульрици были, поставленные имъ самимъ для себя на концѣ его жизненнаго пути и горѣвшія тамъ яркимъ свѣточемъ. Къ рѣшенію этихъ задачъ и были направлены всѣ желанія и стремленія Ульрици, къ нимъ, главнымъ образомъ, была обращена и его дѣятельность, въ качествѣ ученаго и философа.

Значительно упрощала для Ульрици дѣло и облегчала ему выполнение задачи, сообщая увѣренность и стойкость всѣмъ его движеніямъ по пути къ осуществленію цѣли, горячая вѣра и крѣпкая, ничѣмъ непоколебимая убѣжденность въ томъ, что истина можетъ быть только одна и что нельзя, поэтому, даже допустить возможность противорѣчія между истиной вѣры, философіи и науки. Онъ былъ слишкомъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что религіозная вѣра такъ же естественна и прирождена людямъ, такъ же для нихъ неизбежна, какъ, напр., логическіе законы—причинности, тождества и противорѣчія. Его слова: „нѣтъ и не можетъ быть атеизма ни у кого, развѣ лишь у пустого легкомыслія“—выражаютъ всю глубину его непоколебимаго и искренняго убѣжденія въ разумности вѣры.

¹⁾ Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно только прочесть сочиненіе Ульрици: „Богъ и природа“ или даже „Введеніе“ у него, въ которомъ именно намѣчаются такія задачи.

Къ этому надо прибавить еще то, что и по своему настроенію просто, какъ человѣка, Ульрици былъ таковъ, что могъ, какъ нельзя лучше, не сбиваясь съ пути, идти къ намѣченной цѣли.—Онъ былъ слишкомъ скромнень въ своихъ личныхъ желаніяхъ и совсѣмъ непритязателенъ: „работа, говорилъ постоянно Ульрици, вотъ моя настоящая награда, и я не нуждаюсь ни въ какой другой“. Эти слова говорятъ намъ только правду объ Ульрици, который всю свою жизнь безъ устали трудился и работалъ безкорыстно, во имя чистой науки и своихъ возвышенныхъ идеаловъ. (Ульрици, въ самомъ дѣлѣ, былъ весь, съ головы до ногъ, человѣкомъ науки и своею ролью увлекался здѣсь иногда до того, что забывалъ быть человѣкомъ жизни). И, очевидно, эта чистая безкорыстная любовь къ наукѣ всегда поддерживала въ немъ ревность и нѣкоторую возвышенность настроенія; она же гарантировала Ульрици полную безопасность въ жизни на счетъ возможности—размѣняться по ея мелочамъ. И мы, дѣйствительно, видимъ, что Ульрици никогда не опускается на низы повседневной человѣческой, будничной жизни со страстной погоней людей за мишурнымъ блескомъ комфортнаго счастья. Онъ не былъ заинтересованнымъ лицомъ, тѣмъ болѣе избѣгалъ быть участникомъ въ той, иногда безчеловѣчно-жестокой, борьбѣ мелкихъ честолюбій и шепетильныхъ самолюбій, которую такъ часто, почти непрерывно ведутъ обитатели нашего задорнаго міра. Онъ стоялъ, какъ мы видѣли, совершенно въ сторонѣ отъ той партійной борьбы, которая въ его время шла повсюду и развертывалась на нѣсколько фронтовъ; онъ, наоборотъ, направлялъ свои усилія къ тому, чтобы потушить пламя внутренняго раздора партій и примирить всѣхъ враждующихъ между собою. Чуждый какихъ бы то ни было самолюбивыхъ стремленій и честолюбивыхъ замысловъ, Ульрици не домогался почестей, довольствуясь весьма немногимъ,—только самымъ скромнымъ и необходимымъ. Словомъ, всѣ мелочи и дразги жизни, обыкновенно, мѣшающія жить людямъ, идеально настроеннымъ, оставались у Ульрици позади его идеальныхъ стремленій и не задѣвали ихъ.

Благодаря всему этому, Ульрици удалось сберечь свои силы для настоящаго и серьезнаго дѣла жизни и въ себѣ самомъ сохранить ту цѣльность человѣческой личности, ту

полноту и единство своего нравственного облика, вследствие которыхъ внутри его самого не было никакихъ противорѣчій и терзающихъ душу сомнѣній. И онъ, чуждый тѣхъ и другихъ, увѣренный въ себя и въ своихъ силахъ, убѣжденный въ истинѣ своего міросозерцанія, безъ остановокъ и твердыми шагами, не боясь сбиться съ пути, спѣшилъ достигнуть скорѣйшаго конца послѣдняго. Это спокойствіе дѣятельности и ровность настроенія, сосредоточіе всѣхъ силъ и всего вниманія на одной цѣли жизни, единство и определенность послѣдней, вмѣстѣ съ единствомъ, полнотой и цѣльностью выработаннаго міросозерцанія,—все это сообщало единообразіе очень разносторонней дѣятельности Ульрици, проникая ее однимъ настроеніемъ и духомъ.

Мы сейчасъ охарактеризовали Ульрица, по его настроенію, какъ искренно, глубоко, убѣжденно и разумно вѣрующаго философа или христіанина-теиста, вся научно-философская дѣятельность котораю была направлена, въ послѣдней цѣли, къ раскрытію и обоснованію его религиозныхъ идеаловъ. Вся интенсивная работа его мысли концентрировалась именно въ этомъ пунктѣ, какъ въ фокусѣ, по выходѣ изъ котораго она расходилась по самымъ разнообразнымъ направленіямъ. Но еще, повидимому, остается вопросъ: какъ же уложить въ эти рамки и литературно-историческую или эстетическую дѣятельность Ульрици? Не нарушаетъ-ли послѣдняя общаго единообразія въ настроеніи христіанина-философа или, по крайней мѣрѣ, не препятствовала-ли она успѣшному выполненію Ульрици тѣхъ жизненныхъ задачъ, которыя ставило ему его настроеніе? Вѣдь, если на этотъ счетъ дѣло съ философіей, какъ съ такою наукой, которая обнимаетъ собою и многіе вопросы изъ области религіи, обстоитъ вполне благополучно, то вѣдь по отношенію къ литературѣ и эстетикѣ поставленный вопросъ вполне умѣстенъ? И это тѣмъ болѣе, что эстетическія занятія Ульрици, какъ мы знаемъ, были вполне серьезны и весьма продолжительны, а Шекспиромъ онъ увлекался чуть-ли не до самозабвенія. Тѣмъ не менѣе, и на этотъ вопросъ надо отвѣтить отрицательно.—Литературно-историческія и эстетическія занятія Ульрици были, какъ нельзя лучше, подогнаны подъ одинъ общій уровень его религиозно-философскаго міросозерцанія, бывшаго таковымъ по самому его существу. Правда, Ульрици всегда

признавалъ за эстетикой громадное значеніе въ міровой исторіи и въ человѣческомъ міровоззрѣніи и склоненъ былъ даже высказывать такіа сужденія въ самомъ аподиктическомъ тонѣ: „критерій истины есть гармонія красоты“ (такъ прямо выражается онъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія: „Geschichte der Hellenischen Dichtung“). Но въ этомъ же сочиненіи, во 2-й его части, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о лирикѣ, Ульрици, точнѣе опредѣляетъ мѣсто эстетики въ общемъ ходѣ міровой исторіи и въ его міровоззрѣніи такъ: онъ говоритъ здѣсь, что исторія искусства и науки, въ существѣ дѣла, есть исторія разнообразныхъ основныхъ силъ человѣческаго духа. „Искусство и наука, религія и государство, и, наконецъ, философія суть первоначальныя и необходимыя силы природы, подчиняющіяся божескимъ законамъ и сконцентрированныя въ человѣческомъ духѣ, который растетъ и развивается въ условіяхъ пространства и времени. Эти силы все вмѣстѣ заправляютъ ходомъ исторіи человѣчества, но въ то же время онѣ дѣйствуютъ и раздѣльно, каждая имѣя даже свою собственную исторію, развивающуюся по собственнымъ же законамъ“. Здѣсь искусство или эстетика вводится, какъ составное звено, въ цѣпь закругленнаго міросозерцанія Ульрици; она не только не вноситъ диссонанса въ настроеніе вѣрующаго философа, но и какъ нельзя лучше гармонируетъ съ нимъ, подчиняясь общимъ божескимъ законамъ. Еще яснѣе это открывается изъ другого мѣста, гдѣ Ульрици уже прямо заявляетъ въ 1-мъ предисловіи къ сочиненію: „Shakespeare dramatische Kunst“): „нельзя болѣе считать парадоксомъ, что и на почвѣ искусства выступаютъ чудныя, пышныя, красивыя черты: вѣдь оно является средствомъ откровенія Бога, факторомъ мірового прогресса, двигающимъ исторію по пути къ достиженію ею ея великой цѣли“.

Теперь мы видимъ, что эстетическія занятія Ульрици и въ самомъ дѣлѣ нисколько не мѣшали складу его религіозно-философскаго міросозерцанія; они даже и не стояли въ сторонѣ отъ него, а входили сюда естественной составной частью. И если Ульрици, по своему настроенію, былъ убѣжденнымъ христіаниномъ и глубоко вѣрующимъ философомъ, то онъ, конечно, всегда имъ и оставался, какъ бы много ни разнообразилась его ученая дѣятельность. Ни эстетика,

ни литература, ни исторія—нисколько не нарушали единообразія и общаго характера настроенія Ульрици и не только не препятствовали успѣшному выполненію имъ его жизненныхъ задачъ, но и шли какъ разъ, навстрѣчу послѣднимъ.

Это все было въ высшей степени важно для философа и вотъ въ какомъ именно отношеніи: благодаря этому, въ выборѣ поприща дѣятельности для Ульрици устранялась даже самая возможность какихъ бы то ни было колебаній и сомнѣній, а тѣмъ болѣе, какихъ-нибудь внутреннихъ противорѣчій и непослѣдовательности. Въмѣсто того, открывался передъ нимъ широкій и свободный путь въ царство единой, всегда равной себѣ, вѣчной истины, гдѣ для него не было ничего тусклаго и неопредѣленнаго, гдѣ все было просто и ясно, гдѣ вставали передъ нимъ, соблазнительно маящія его, необъятно-широкія перспективы примирившихся между собою науки, философіи и теологіи и гдѣ въ отдаленіи, на самомъ концѣ раздвинувшагося горизонта, вырисовывался передъ нимъ уже довольно опредѣленными контурами его идеаль — идеаль лично-живого, христіанскаго Бога, какъ Абсолютнаго Самосознательнаго Духа. Вотъ почему мы, въ самомъ началѣ біографіи Ульрици, и замѣтили, что жизнь его была слишкомъ проста, проста именно потому, что ему не приходилось искусственно усложнять ее перемѣной направленій въ дѣятельности и неустойчивостью настроенія: онъ, не разсуждая долго и не задумываясь по часамъ, твердо шелъ къ намѣченной цѣли, не страдая въ мучительныхъ поискахъ за неизвѣстной истиной.

Въ заключеніе, для полноты обрисовки нравственнаго облика Ульрици, намъ нужно сказать нѣсколько словъ объ его отношеніи къ окружающей средѣ, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Будучи человѣкомъ идеально настроеннымъ, съ возвышенными стремленіями, благородными чувствами и мыслями, Ульрици обладалъ мягкимъ, даже податливымъ характеромъ, былъ простъ душой, сердцемъ и искрененъ въ своихъ прямыхъ и честныхъ отношеніяхъ къ людямъ. И въ своей частной жизни онъ заявилъ себя человѣкомъ интеллигентнымъ въ полномъ и собственномъ, а не аристократи-

чески салонномъ смыслѣ слова: былъ всегда изысканно вѣжливъ, одинаково корректенъ въ словахъ и поступкахъ, великодушенъ и общителенъ со всѣми. Далекій отъ мысли—осуждать людей и строить отрицательныя теоріи о человѣческихъ обществахъ и ихъ отдѣльныхъ представителяхъ, на основаніи одного только подозрѣнія и склонный, скорѣе, ко всѣмъ относиться съ полнымъ довѣріемъ, Ульрици самъ свободенъ былъ отъ всякаго подозрѣнія. Стараясь всегда найти какое-нибудь, оправданіе или по крайней мѣрѣ, извиненіе для людей, выпедшихъ за предѣлы дозволеннаго правонарушенія, онъ былъ безпощаденъ только къ нравственному злу, въ какихъ бы утонченныхъ формахъ оно ни проявлялось, и особенно строгъ всегда къ самому себѣ. Готовый простить всѣмъ всякую обиду, допущенную по отношенію къ нему, Ульрици не оставался равнодушнымъ и негодовалъ только тогда, когда затрагивались его идеалы, когда подвергалась нападкамъ обличеній и насмѣшекъ его вѣра, когда начинали трепать его святые убѣжденія.

Съ кѣмъ бы ни встрѣчался Ульрици, всякій потомъ отзывался о немъ съ похвалою. Мы уже знаемъ, что ему пришлось выступать дѣятелемъ на различныхъ поприщахъ служенія наукъ и искусству, и онъ самъ много перевидалъ на своемъ вѣку и хорошаго и худого. Но всѣ тѣ, кто знали Ульрици и имѣли съ нимъ дѣло, рѣшительно не могутъ не помянуть его самымъ добрымъ словомъ и искренней похвалою. Вотъ какими теплыми словами заканчивается одинъ некрологъ объ Ульрици въ томъ журналѣ, въ которомъ онъ принималъ участіе, какъ сооснователь и членъ Шекспировскаго Общества въ Германіи, издававшего этотъ журналъ: „во всѣхъ дѣлахъ Ульрици всегда былъ извѣстенъ глубоко нравственными чертами своего характера. Онъ совершенно не имѣлъ враговъ; у него были только противники. Онъ всегда былъ нравственно великъ. Помнится, съ какой радостью всѣми встрѣчено было его избраніе на должность ректора и какими рукоплесканіями сопровождался его докторскій юбилей! Послѣдняя зима вызвала опасеніе за его здоровье и послѣдній день года принесъ съ собой ужасную болѣзнь (апоплекс. ударъ). Но у него все еще были свѣтлыя ми-

нуты. Въ субботу вечеромъ, въ 9 час. онъ умеръ, умеръ одинъ изъ лучшихъ людей міра“¹⁾.

Такова была личность Ульрици, этого добраго, честнаго, скромнаго и цѣльнаго человѣка, вѣчно трудившагося въ своей жизни, съ прочно установившимися взглядами, непоколебимыми убѣжденіями и твердой какъ скала, *вѣрой въ единую истину, вѣчную правду и живаго Бога*. Мы подчеркиваемъ послѣднія слова и повторяемъ, что основнымъ мотивомъ настроенія Ульрици была религіозная вѣра въ Бога, вообще, и въ частности, вѣра въ лично-живого Бога христіанскаго теизма. Поэтому, написанныя имъ на памятникѣ его жены слова Христа: „Я живу, и вы будете жить“, не были пустыми звуками, но выражали собою дѣйствительное и, именно, христіанское настроеніе человѣка, всецѣло проникнутаго духомъ горячей, искренней, крѣпкой и разумной вѣры во Христа, даровавшаго людямъ вѣчную жизнь; они говорили о человѣкѣ, завѣщающемъ свою вѣру, какъ самый дорогой для него даръ Бога, въ дорогое наслѣдіе всеѣмъ людямъ. Эти слова должны быть написаны на памятникѣ и самого Ульрици; и они лучше всего опредѣляютъ основной мотивъ его настроенія и повесутъ благодарную память о немъ въ глубь послѣдующей исторіи, передавая всему человѣческому роду теплую вѣру разумно принимавшаго ее и убѣжденнаго въ ея истинѣ философа—христіанина.

П. Нечаевъ.

---

¹⁾ Jahrbuch d. Shakspear—Gesell.-sch. Weimar. 1884. s. 320